

**Поездка Достоевского в Даровое 1877 г.
(«святые воспоминания», «зипуны» и «луковка»)**

В. А. Викторovich

Государственный социально-гуманитарный университет

(г. Коломна, Российская Федерация)

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Аннотация. В статье вводится в научный оборот фрагмент рабочей тетради Ф. М. Достоевского, неверно прочитанный в академическом издании писателя. Он представляет собою своеобразный дневник посещения Достоевским родительского имения Даровое 20–21 июля 1877 г. Черновая запись, сделанная для себя, включает ряд тезисов для последующего обдумывания, в них отразились воспоминания детства и темы бесед с даровскими крестьянами. Все они будут развернуты в «Дневнике Писателя» (июль–август 1877 и январь 1881 гг.) и в романе «Братья Карамазовы». Достоевский сформулировал здесь болевые точки эпохи реформ, от которых, по его убеждению, зависела судьба страны: семейный вопрос, расстройство помещичьих имений, слабая позиция дворянства, дурные привычки крестьян, хаос в земледелии и землевладении, трудности местного самоуправления. Хорошо знакомые с детства места и родственно принимавшие его как помещики, так и крестьяне — все это позволяло увидеть скрытые для посторонних глаз причины и мотивы кризисных явлений. В конечном итоге писатель выходил на тему сохранения народа и спасительных для него фундаментальных христианских ценностей. Высказывается и аргументируется предположение, что легенду о «луковке», включенную затем в роман «Братья Карамазовы», Достоевский услышал во время этой поездки, что и было зафиксировано в черновой записи с указанием на «русскую» специфику легенды. Поездка в Даровое, таким образом, была реализацией почвенной программы писателя, его призыва к образованному сословию услышать голос народа.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, имение Даровое, текстология, память детства, кризис землевладения, дворянство, русский народ, легенда о луковке

Благодарность. Исследование выполнено в Государственном социально-гуманитарном университете (ГСГУ) при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-00699 («Новое о Достоевском: реконструкция ранней биографии и творчества в междисциплинарном исследовании», <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>).

Для цитирования: Викторovich В. А. Поездка Достоевского в Даровое 1877 г. («святые воспоминания», «зипуны» и «луковка») // *Неизвестный Достоевский*. 2024. Т. 11. № 4. С. 227–257. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7681. EDN: CNGLUO

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2024.7681

EDN: CNGLUO

Dostoevsky's Trip to Darovoye in 1877 ("Holy Memories", "Zipuns" and "Onion")

Vladimir A. Viktorovich

State Social and Humanitarian University

(Kolomna, Russian Federation)

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Abstract. The article introduces into scientific circulation a fragment of F. M. Dostoevsky's workbook, incorrectly read in the writer's academic edition. It is a kind of diary of Dostoevsky's visit to his parental estate Darovoye on July 20–21, 1877. The "personal" draft entry includes a number of ideas for subsequent contemplation; they reflect childhood memories and topics of conversations with Darovoye peasants. All of them will be expanded in the "A Writer's Diary" (July–August 1877 and January 1881) and in the novel "The Brothers Karamazov." Here, Dostoevsky formulated the problematic issues of the reform era, on which, in his opinion, the fate of the country depended: the family issue, the disorganization of landowners' estates, the weak position of the nobility, the peasants' bad habits, chaos in agriculture and land ownership, etc. The places familiar since childhood and the landlords and peasants who received him affectionately — all this made it possible to see the causes and motifs of crisis phenomena hidden from outsiders' eyes. In the end, the writer came out on the topic of preserving the people and the fundamental Christian values that are redemptive for them. It is suggested and argued that Dostoevsky heard the legend of the "onion," later included in the novel "The Brothers Karamazov," during this trip, a fact that was recorded in a draft entry indicating the "Russian" specifics of the legend. The trip to Darovoye, therefore, was the realization of the writer's soil program, his call to the educated class to hear the voice of the people.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Darovoye estate, textual criticism, childhood memory, land ownership crisis, nobility, Russian people, the legend of the onion

Acknowledgments. The reported was carried out at the State Social and Humanitarian University with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00699, "New About Dostoevsky: Reconstruction of Early Biography and Works by Interdisciplinary Research", <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>).

For citation: Viktorovich V. A. Dostoevsky's Trip to Darovoye in 1877 ("Holy Memories", "Zipuns" and "Onion"). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2024, vol. 11, no. 4, pp. 227–257. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7681. EDN: CNGLUO (In Russ.)

---

20 и 21 июля 1877 г. Ф. М. Достоевский гостил в сельце Даровом, родительском имении, на тот момент принадлежавшем сестре Вере Михайловне Ивановой. Об этой поездке мы кое-что узнаём из мемуаров жены писателя:

«Родные его рассказывали мне потом, что в свой приезд муж мой посетил самые различные места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминаниям <...>. Заходил Федор Михайлович и в избы мужиков, своих сверстников, из которых многих он помнил. Старики и старухи и сверстники, помнившие его с детства, радостно его приветствовали, зазывали в избы и угощали чаем. Поездка в Даровое доставила много воспоминаний, о которых муж по приезде передавал нам с большим интересом. Он обещал своим детям непременно поехать с ними в Даровое с целью показать все свои любимые места в парке» [Достоевская: 366–367].

В июльско-августовском «Дневнике Писателя» 1877 г. автор сообщал о своей поездке и частично о ее мотивации:

«Сорок лет я там не был и столько раз хотел туда съездить, но всё никак не мог, несмотря на то, что это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями»¹.

Получается, что это было давно чаемое путешествие в детство, однако его невозможно объяснить только ностальгическим порывом. Достоевский устремился в тот уголок земли, что оставил «самое глубокое и сильное впечатление». Задумывался новый роман, а как признавался сам автор:

«ЧТОБЫ НАПИСАТЬ РОМАН, НАДО ЗАПАСТИСЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОДНИМ ИЛИ НЕСКОЛЬКИМИ СИЛЬНЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ, ПЕРЕЖИТЫМИ СЕРДЦЕМ АВТОРА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО...» [Д30; т. 16: 10]².

Потребностью **впечатлений** Достоевский объясняет жене свою внеурочную поездку:

«Проеду сейчас же почти в Даровое и поскорей к вам, ибо смертельно хочется обнять детей, а главное тебя <...>. Проклятая поездка в Даровую! Как бы я желал не ехать! Но невозможно: если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чем писать писателю!» [Д30; т. 29, кн. 2: 170–171].

Получается, что это была **целевая** поездка за впечатлениями и наблюдениями как необходимым строительным материалом для творчества, публицистического и художественного. Первоначальный ее итог мы находим

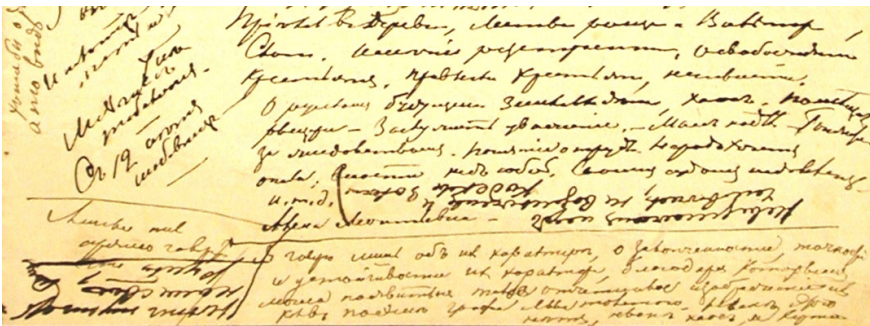
¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. С. 172. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием Д30.

² Курсив и написание прописными буквами в цитатах здесь и в других случаях принадлежат цитируемому автору.

в июльско-августовском «Дневнике Писателя» 1877 г. «Разложение» «семейства русского» [Д30; т. 25: 173], следуя эстетическому закону очищения художника светом «идеала» [Д30; т. 21: 75–76], можно было верно представить, лишь держа при себе противоядие: «святые воспоминания» собственного детства и устройства родительского дома. Воскресить в душе «сильнейшие и влияющие воспоминания <...>, которые остаются из детства» [Д30; т. 25: 173], и должна была поездка в Даровое. Вместе с тем вставал вопрос и о том, какие процессы происходят в «народном-то семействе». Собеседник Достоевского (И. С. Аксаков) расширил тему, предположив, что «в весьма непродолжительном времени в народе явятся новые вопросы, да и явились уже, — куча вопросов, страшная масса всё новых, никогда не бывавших, до сих пор в народе неслыханных...» [Д30; т. 25: 173–174]. Остается выяснить, какие это были вопросы.

Ответ отчасти дает июльско-августовский «Дневник Писателя» 1877 г., в котором обсуждается явление «случайного семейства», процесс Джунковских, отношение общества и народа к русско-турецкой войне, окончание романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Далеко не все впечатления от поездки в родное гнездо отразились в этом выпуске «Дневника», кое-что осталось дожидаться своего часа.

Среди источников, проливающих свет на эту поездку, имеется еще один, доселе не прочитанный адекватно. Это черновая запись Достоевского (Илл. 1).

Илл. 1. Страница рукописи из «Записей к "Дневнику писателя"» 1877 г. Июль–август, гл. I, II. ОР РГБ. Ф. 93.1.2.14/5. Фрагмент 1, посвященный поездке в Даровое

Fig. 1. Manuscript page from "Notes for "A Writer's Diary"", 1877 July–August, ch. I, II. OR RGB. F. 93.1.2.14/5. Fragment 1, dedicated to the trip to Darovoye

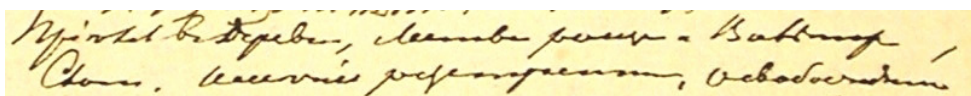
Запись опубликована в академическом издании писателя в следующем виде:

«Приехал в деревню. Листва, роща и Вальтер Скотт. Имение расстроенное. Освобождение крестьян. Привычки крестьян, ненависти. О русском будущем землевладении, хаос. Помещики рыцари — заслужить уважение. Мал надел.

Гоняются за жидовством. Понятие о труде. Народ хочет опеки, власти над собой. Своим судом недоволен, и т. д.

Алена Леонтьевна» [Д30; т. 25: 237].

Запись прочитана не совсем корректно: в частности, неверно («листва») прочитано слово «Липовая» (Илл. 2), не учтена композиция страницы рабочей тетради (Илл. 3). Неправильное прочтение одного слова привело к тому, что комментатор академического издания не соотнес данную запись с поездкой Достоевского в Даровое: все свелось к творчеству шотландского романиста, у которого нашлись в большом количестве и рощи, и листва [Батюто: 453–454].

Илл. 2. Страница рукописи из «Записей к "Дневнику писателя"» 1877 г. Фрагмент 2
«Липовая роща и Вальтер Скотт»

Fig. 2. Manuscript page from "Notes for "A Writer's Diary"" 1877. Fragment 2
"Linden Grove and Walter Scott"

Приведем запись с уточнениями по рукописи³:

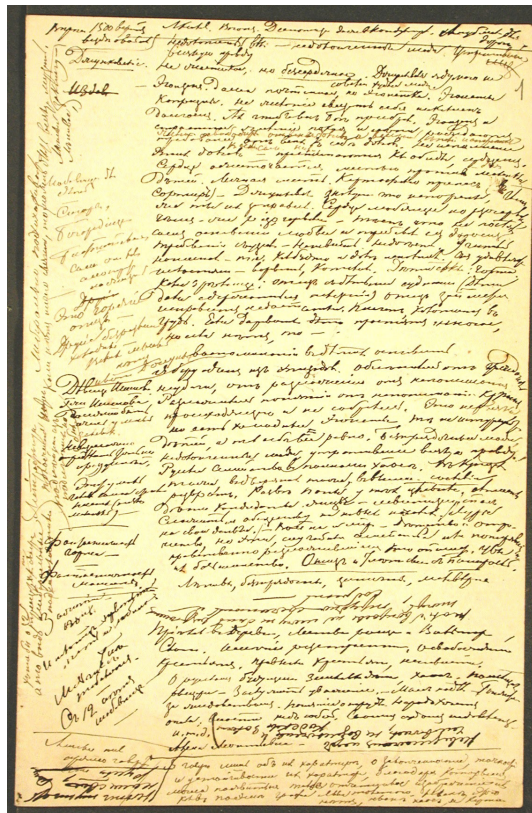
«Приѣхалъ» въ деревню, Липова<я> роща и Вальтер<ъ> Скот<тъ>. Имѣніе разстроенное. Освобожденъ крестьянъ, привычки крестьянъ, ненависти. О русскомъ будущемъ землевладѣнью, хаосъ. Помѣщик<и> рыцари — заслужить уваженіе. — Малъ надѣль<.> Гоняются за жидовствомъ. Понятіе о трудѣ. Народъ хочетъ опеки, власти надъ собой. Своимъ судомъ недоволенъ, и т. д.

Алена Леонтьевна — <на левом поле вписано со знаком присоединения⁴ к словам «Алена Леонтьевна»:> Нѣтъ тутъ есть наше *свое*, наше Русское»⁵ (Илл. 4).

³ ОР РГБ. Ф. 93.1.2.14/5. Л. 1. Первые два слова вставлены позднее другими чернилами. Первоначально запись начиналась: «Деревня, Липова<я> роща...».

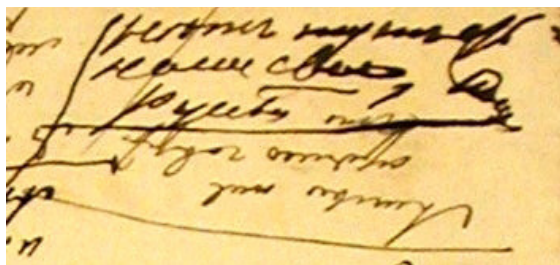
⁴ Публикатор не заметил этого знака присоединения, и последнее предложение (без курсива и без заглавной «Р») ушло значительно вниз, соединившись совсем с другим эпизодом «Дневника Писателя» [Д30; т. 25: 177–180]: «Мальчик с табаком. С 12 лет любовница» [Д30; т. 25: 237]. В результате такого прочтения получилось, что «наше *свое*, наше Русское» — это псевдолиберальная педагогика ленивой вседозволенности, свойственная «типу русских джентльменов, скитающихся за границей» [Д30; т. 25: 177]. Текстологическая ошибка привела к искажению авторской мысли.

⁵ В докладе на XLIX конференции «Достоевский и мировая культура» в петербургском музее Достоевского мною было предложено прочтение последних слов как «нашъ Русс<кій> Бог<ъ>», что вызвало возражение И. С. Андриановой, поддержанное петрозаводскими

Илл. 3. Страница рукописи из «Записей к "Дневнику писателя"» 1877 г.

Fig. 3. Manuscript page from "Notes for "A Writer's Diary"" 1877

Илл. 4. Страница рукописи из «Записей к "Дневнику писателя"» 1877 г. Фрагмент 3, приписка внизу страницы

Fig. 4. Manuscript page from "Notes for "A Writer's Diary"" 1877. Fragment 3, note at the bottom of the page

коллегами. После консультации с Н. А. Тарасовой было принято настоящее прочтение. Благодарю коллег за произведенную при их помощи коррективку.

Запись о поездке в Даровое входит в наброски к июльско-августовскому «Дневнику Писателя» 1877 г. Внутренняя связь этой записи с набросками, очевидно, определяется контрастным сопоставлением современных детей в их семьях с памятью собственного детства. Можно предположить, что из этой записи выросла начальная главка указанного выпуска «Дневника» с размышлением о роли детских воспоминаний вообще и о собственных воспоминаниях в частности.

Черновая запись, сделанная для себя, по итогам поездки в Даровое открывает для нас завесу над теми впечатлениями и соображениями, на которые навела автора эта поездка. Перед нами что-то вроде кратчайших мемуаров, закладок для последующего обдумывания.

«Липова<я> роща и Вальтер<ъ> Скот<тъ>»

В одном предложении сведены воедино самые сильные и значимые для автора детские воспоминания. Липовая роща — центр притяжения для Достоевского в Даровом, она оживила в нем память детства. Младший брат писателя вспоминал:

«В липовой роще, с перебегами через поле в Брыково, происходили все наши детские игры. <...> Мы усиливались воспроизвести в нашей липовой роще все те лишения, которые испытывал Робинзон на необитаемом острове» [Достоевский А. М.: 60–61].

«Сценарии» этих игр сочинял брат Федор — то были, по всей вероятности, самые первые пробуждения творчества. Автобиографический аспект видится нам в словах Алексея Карамазова:

«...игра в войну у молодых людей, в рекреационное время, или там в разбойники — это ведь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства в юной душе, и эти игры иногда даже сочиняются складнее, чем представления на театре...» [Д30; т. 14: 484].

Для Достоевского это были те самые «влияющие воспоминания», о которых он скажет в ближайшем выпуске «Дневника Писателя», а затем в романе «Братья Карамазовы» [Д30; т. 15: 195].

Были еще два обстоятельства, косвенно или прямо отразившиеся в данной записи.

Первое. Год назад, в феврале 1876 г., также возвращаясь к впечатлениям даровского детства, Достоевский признавался:

«И ничего в жизни я так не любил, как лес...» [Д30; т. 22: 47].

Анна Григорьевна записала высказывания мужа:

«Любилъ лѣсъ, пусть всѣ продають, а я не продамъ, изъ принципа не продамъ, чтобъ не безлѣсить Россію. Пусть мнѣ выдѣлятъ лѣсомъ и я его стану растить и къ совершеннolѣтiю дѣтей онъ будетъ большимъ. <...>

Всегда мечталъ объ имѣнiи, но непремѣнно спрашивалъ: есть ли лѣсъ? На пахоту и луга не обращалъ вниманiя, а лѣсъ, хотя бы небольшой, въ его глазахъ составлялъ главное <было: самое большое> богатство имѣнiя» [Андрианова, Тихомиров: 49, 50].

Следует в связи с этим отметить, что сохранение, а по существу, спасение русского леса от варварского истребления — одна из важнейших тем «Дневника Писателя». Так, в июньском выпуске 1876 г. он писал:

«Вот Россію безлѣсят, помещики и мужики сводят лес с каким-то остервенением. Положительно можно сказать, что он идет за десятую долю цены, ибо — долго ли протянется предложение? Дети наши не успеют подрасти, как на рынке будет уже в десять раз меньше леса. Что же выйдет, — может быть гибель. А между тем, подите, попробуйте сказать что-нибудь о сокращении прав на истребление леса и что услышите? С одной стороны, государственная и национальная необходимость, а с другой — нарушение прав собственности, две идеи противоположные. Тотчас же явятся два лагеря, и неизвестно еще, к чему примкнет либеральное, всѣ решающее мнение» [Д30; т. 23: 41].

Вера Михайловна удержалась от вырубки Липовой рощи, хотя это и сулило быструю прибыль. Можно предположить, что от этого шага ее предостерег приехавший погостить брат. Липовая роща чудом дождала до наших дней, спасенная также от тех самовольных порубок, о которых позднее племянница писателя Юлия сообщала сестре Наталье:

«Глиницѣ <рядом с Даровым> всѣ вырубилы Моногаровскіе мужики, остался только хворостъ. <...> Та же участь ожидаетъ и наши лѣса, которыми вы дорожите» [Зевалд: 402].

О втором обстоятельстве («Вальтер<тъ> Скот<тъ>») свидетельствует позднейшее откровение Достоевского:

«12-ти лет я в деревне, во время вакацій, прочел всего Вальтер-Скотта, и пусть я развил в себе фантазію и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более, что захватил с собой в жизнь из этого чтенiя столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими» [Д30; т. 30, кн. 1: 212].

Легко предположить, что Липовая роща была не только ареной первоначального творчества, но и «читальным залом» будущего писателя, где он «прочел всего Вальтер-Скотта». Тому, скорее всего, послужил один из курганов, о которых упоминает младший брат писателя:

«Около <...> домика <...> были расположены два кургана или две небольшие насыпи, на которых росло по четыре столетних липы, так что курганы эти, защищенные каждый четырьмя вековыми липами, были лучше всяких беседок, и служили нам во всё лето столовыми, где мы постоянно обедали и пили утренний и вечерний чай» [Достоевский А. М.: 59].

Гармония природы в чем-то очень важном и сокровенном оказалась созвучной романистике Вальтера Скотта. В журнальном варианте «Неточки Незвановой» находим ценное признание героини, включившее в себя «осколки» автобиографического мотива писателя:

«...чувство семейственности, так опоэтизированное в романах Вальтер-Скотта, чувство, во имя которого создались они, чувство, доведенное до высочайшего исторического значения, представленное как условие сохранения всего человечества, проведенное во всех романах его с такою любовью, слишком сладко, слишком сильно втеснилось в мое сердце на отклик моих же воспоминаний, моих же сетований» [Д30; т. 2: 451].

Сопоставление автобиографического признания и художественного текста дает возможность уяснить смысл «высоких впечатлений» юного читателя Вальтера Скотта, которому как бы аккомпанировала вековая и подомашнему обжитая Липовая роща: это царящее в романах шотландского чародея естественное, природное «чувство семейственности» как идеал и условие сохранения цивилизации. Опыт зримой гармонии оказался незабываемым и даже спасительным, по признанию самого Достоевского.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» писатель скажет, пока еще несколько отвлеченно, о счастье отдавать себя другому. Эта вполне реальная, земная стезя христианского идеала конкретизируется у Достоевского в семье как формуле спасения современной цивилизации (в «Зимних заметках...» отталкиваясь от жалкой и смешной «пьесы» буржуазной квазисемьи): если всё же сохранится *неслучайное* семейство, которое зиждется неустанным *трудом любви*, то сохранится и человечество. Мысль, вынесенная в детстве из чтения романов Вальтера Скотта в родительской усадьбе, преобразовалась затем в философию семьи русского писателя. Его путешествие в Даровое летом 1877 г. окончательно оформило магистральную семейную тему июльско-августовского «Дневника Писателя» этого года (подробнее см.: [Викторович, 2021]).

«Вот у вас есть такие воспоминания и такие места...», — вторит автору его «давний знакомый» (И. С. Аксаков) и задается трудным вопросом:

«Любопытно, что у нынешней молодежи, у нынешних детей и подростков будет драгоценного в их воспоминаниях, и будет ли?» [Д30; т. 25: 172].

Опасение приводило к «тревожным сомнениям» насчет надвигающегося «нашего русского столь загадочного будущего» [Д30; т. 25: 173]. Июльско-августовский «Дневник Писателя» 1877 г. выстраивался на пересечении двух осей координат: из «смутной» современности и из преданий родительского дома.

«Имѣніе разстроенное»

28 октября 1852 г. Вера Михайловна Иванова оформила покупку наследственного имения, выплатив денежное вознаграждение братьям Михаилу, Андрею, Николаю и сестрам Варваре, Александре (Федор Михайлович в разделе не участвовал, так как получил свою долю раньше). В состав имения входили тогда Даровое, Черемошняя и пустоши Грустынка, Старая Черемошняя, Нечаева, всего 592 десятины 1117 кв. сажений, и числилось 102 души мужского пола «съ ихъ женами вдовами девками со внучатами приемышами» [Дементьева, Воронкина: 67]. За ведение хозяйства энергично взялся муж Веры Михайловны Александр Павлович Иванов, и имение при нем было более или менее доходным. Особое внимание уделялось устройству регулярных плодовых садов в Даровом и Черемошне. Тем не менее все имение было заложено в Московской сохранной казне 10 ноября 1860 г. на 37 лет за 8 547 руб. 66 коп.

Серьезные сбои начались после реформы 1861 г. Согласно «Уставным грамотам», часть помещичьих земель была передана за выкуп крестьянам, так что имение сократилось чуть ли не вдвое, до 317 десятин 1646 кв. сажений. А в 1868 г. семья Ивановых пережила невосполнимую утрату: ушел из жизни неутомимый Александр Павлович, успевший стать «душой» Дарового по примеру Марии Федоровны Достоевской. За хозяйство пришлось взяться его вдове, Вере Михайловне, явно не расположенной к нескончаемым хлопотам. Возникла идея продажи усадьбы, от чего энергично отговаривал родственников Федор Михайлович. В письме к Ивановым 1 (13) февраля 1868 г. он был категоричен:

«...я не знаю, как у вас деревня, то есть заложена ли, в долгах ли, цела ли? Но если она только есть, *то, ради бога, не продавайте!* Берегите и цените — это всегдашняя надежда, это всегдашнее пристанище, это, наконец, кредит» [Д30; т. 28, кн. 2: 254].

После смерти писателя Вера Михайловна вновь вернулась к мысли о продаже имения и предлагала купить его Анне Григорьевне, столь же далекой от тонкостей сельского благоустройства (см.: [Викторovich, 2016]). Не клеилось дело и у дочерей Веры Михайловны, сыновья же, занятые своими делами, не испытывали большого интереса к земледелию и воспринимали

Даровое как дачу, стоившую им дополнительных расходов. Итог подвела одна из племянниц писателя (Юлия) в письме к другой (Наталье):

«Какъ глупо. Столько у насъ земли и не умѣемъ себѣ устроить гнѣзда на старости лѣтъ. Всякій бы зналъ, что надо дѣлать. А мы вѣтренные мотыльки» [Зевалд: 419].

Наблюдая за упадком имения, Достоевский не мог не вспомнить другие времена, когда оно держалось достаточно прочно усилиями родителей. Их переписка показывает, с какой самоотдачей вела хозяйство Мария Федоровна и как заботливо направлял ее действия Михаил Андреевич (см.: [Нечаева]). Накопленный ими ресурс впоследствии растрачивался неурожайными годами, а еще более, после их смерти, некомпетентностью или равнодушием опекунов. Решение брата Михаила «ехать жить в деревню» потому-то вызвало горячую поддержку Федора [Д30; т. 28, кн. 1: 62], очевидно, он и для себя подумывал о таком варианте, вернувшись к нему в последние годы жизни. В сороковые же годы на такой шаг решился только Д. В. Григорович (дальний сосед по имению), бывший тогда под серьезным влиянием Ф. М. Достоевского.

Разобравшись в проблемах Дарового, Александр Павлович Иванов общал Михаилу Михайловичу Достоевскому (начало 1851 г.):

«Имѣніе ежегодно приходитъ въ упадокъ, что видно изъ ежегоднаго уменьшенія доходовъ <...>. Причины этаго упадка по моему мнѣнію слѣдующія: 1) *совершенный недостатокъ удобренія*: Въ каждомъ полѣ по 75. десятинь запашки, а скота всего 15. головъ. Увеличить скотоводство нѣтъ возможности, потому что вовсе нѣтъ луговъ (сѣна снимается всего 500 пудовъ) и нѣтъ капиталовъ. Покойный Михаилъ Андреевичъ нанималъ луга и на каждую десятину клалъ по 400 возовъ навоза. Это удобреніе сохранилось въ почвѣ до сего времени; но разумѣется, ежегодно истощалось и теперь почва поневолѣ отказывается въ урожаяхъ.

2) *Худое управленіе*. Староста — самъ крестьянинъ и окружень братьями, кумовьями и т. п. сродниками — и потому онъ болѣе печется о крестьянскомъ добрѣ, нежели о господскомъ. <...> Для поправленія второй бѣды я думалъ бы нанять прикащика изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ...»⁶.

На объективные причины уже пореформенного упадка имения (сокращение земель), таким образом, накладывались субъективные: не оказывалось умного, расторопного, рачительного хозяина, хорошо знающего и любящего землю⁷, как знал и любил ее от самого детства Ф. М. Достоевский. Так,

⁶ РО ИРЛИ. № 30393. Л. 4–4 об.

⁷ Характерна отчаянная реакция упомянутой выше Натальи: «Мое единственное желание теперь насчетъ Дарового, чтобы сгорѣла усадьба» ради получения страховки, да и «сторожа не держать» [Зевалд: 418].

жена писателя удивлялась, как Федор Михайлович действительно и не поверхностно «понимал в сельском хозяйстве» [Достоевская: 388], а потому и с даровскими мужиками летом 1877 г. он мог говорить на равных, глубоко проникая в суть их озабоченностей.

Сходной с Даровым была судьба многих и многих разоряющихся имений: русское дворянство обнаруживало принципиальную неспособность наладить земледелие в новых обстоятельствах. Сословие как таковое к ним не готовилось, для подавляющего большинства помещиков все случилось «вдруг».

Посещение Дарового навело Достоевского на размышления о судьбе Великой реформы, отменившей крепостное право. Итог этих размышлений был затем представлен в январском «Дневнике Писателя» 1881 г., ставшем «последним словом» аналитика российской действительности:

«В Европе <...> рабское, феодальное отношение низших сословий к высшим уничтожалось веками и, наконец-то, раздалась революция; всё, одним словом, совершилось культурно и исторически. У нас же крепостное право рушилось в один миг со всеми последствиями, и, слава богу, без малейшей революции. И вот, казалось бы, откудава быть потрясению, то есть капитальному, очень большому? Правда и то: всё, что вдруг падает, падает всегда очень опасно, то есть с большим потрясением. Не я, разумеется, пожалею, что вдруг упало. Страшно хорошо, напротив, что весь этот мерзостный исторический грех наш упразднился разом по великому слову освободителя. Тем не менее закон природы нельзя миновать, и потрясение вышло большое. Пусть бы большое, но почему столь великое?» [Д30; т. 27: 9].

«Освобожденье крестьянъ, привычки крестьянъ, ненависти»

Как подтвердила поездка в Даровое летом 1877 г. и общение с местными мужиками, неудовлетворенность своим освобождением выражало и крестьянство. Как сказано было поэтом: «Распалась цепь великая, / Порвалась — расскочилась: / Одним концом по барину, / Другим по мужику!..» [Некрасов; т. 5: 83]. Что мешало русскому крестьянину воспользоваться возможностями, предоставляемыми реформой? Об этом, безусловно, заходили у Достоевского разговоры с мужиками в Даровом — их след зашифрован в словах «привычки крестьянъ». Мы полагаем, что отозвались они вскоре в том же «Дневнике Писателя» 1881 г. в следующем утверждении:

«...рухнуло крепостное право, мешавшее всему, даже правильному развитию земледелия, — и вот тут-то бы, кажется, и зацвести мужику, тут-то бы, кажется, и разбогатеть ему. Ничуть не бывало: в земледелии мужик съехал прямо на минимум того, что может ему дать земля. И, главное, в том беда, что еще неизвестно: найдется ли даже и впредь такая сила (и в чем именно она заключается), чтоб мужик решился возвыситься над минимумом, который дает ему теперь земля, и попросить у ней максимума. Скажут умники:

вопрос пустой и уже всем понятный, но я твердо уверен, что еще далеко не разрешенный и несравненно огромнейший, несравненно более захватывающий в себе содержания, чем предполагают его» [Д30; т. 27: 9].

«Огромность вопроса» заключалась в практической его нерешаемости, поскольку привычка пользоваться малым и лишь самым необходимым за-долго до реформы образовывала менталитет русского земледельца. Его беспечность была поразительна для сторонних наблюдателей: в отличие от своих западных соседей, он полагал, что бедность не порок. Бедность в данном случае происходила не от лени, а от «малого интереса народа к материальной культуре» [Лосский: 258]. Отсутствие же интереса к доходности земли (и вследствие этого к повышению агрокультуры) в большинстве случаев определялось вековой зависимостью от помещичьего владения. Инициатива свойственна хозяину, а не подневольному работнику, и привычки, идущие от вранья в людей крепостного состояния, делали свое дело.

Таковы были «привычки крестьян», что же касается их «ненавистей», Достоевский был знаком с ними еще со времен каторги, о чем с болью общал брату Михаилу:

«Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. <...> "Вы дворяне, железные носы, нас заклевали <...>" — вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо...» [Д30; т. 28, кн. 1: 169–170].

Тот же мотив прозвучал затем в «Записках из Мертвого Дома»:

«Как ни будь он [дворянин] справедлив, добр, умен, его целые годы будут ненавидеть и презирать все, целой массой; его не поймут, а главное — не поверят ему. <...> Не свой человек, да и только. <...> Они разделены с просто-народьем глубочайшей бездной...» [Д30; т. 4: 198].

Такова была жестокая реальность расколотовой нации, предвещавшая великие потрясения. Достоевский на себе испытал всю глубину этого раскола и вслед Пушкину находил единственно верный путь его преодоления — обращение образованного сословия к народу:

«Доверенность народа теперь надо заслужить; надо его полюбить, надо пострадать, надо преобразиться в него вполне» [Д30; т. 19: 7].

Такова главная идея почвенничества, истоки которого у Достоевского пребывали не в одной книжной премудрости (чтение Пушкина легло на подготовленную почву), а опять же в детских воспоминаниях о жизни в деревне рядом и вместе с «зипунами и лаптями»: жизнь помещиков Достоевских

тесно и органично переплеталась с жизнью их крестьян. Этот опыт не прошел даром. Наблюдавший Достоевского внимательный современник заметил:

«...деревня оставила на всю его жизнь неизгладимые впечатления, <...> Ф. М. Достоевский был *сыном деревни*, а не города»⁸.

Пережитое и усвоенное в детстве позволило Достоевскому подняться над как будто бы непреодолимой сословной «ненавистью» каторжан и постичь органичные христианские начала в сокровенной глубине народной души (об этом «даровской» рассказ «Мужик Марей»), о чем он написал А. Н. Майкову еще 18 января 1856 г., в письме, ставшем, по существу, первым выражением его почвенничества:

«Уверяю Вас, что я, например, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, — это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушие, потому собственно, что мог понять его; ибо был сам русский. Несчастье мое дало мне многое узнать практически, может быть, много влияния имела на меня эта практика, но я узнал практически и то, что я всегда был русским по сердцу» [ДЗ0; т. 28, кн. 1: 208–209].

Последние слова заставляют вновь вспомнить о тех семенах, что проросли на удобренной почве:

«А между тем я был может быть, одним из тех (я опять про себя одного говорю), которым наиболее облегчен был возврат к народному корню, к знанию русской души, к признанию духа народного. Я происходил из семейства русского и благочестивого» [ДЗ0; т. 21: 134].

«Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах» [ДЗ0; т. 27: 21], — эту программу, прежде чем ее заявить, Достоевский сам реализовал летом 1877 г. Здесь есть важный нюанс: опросить «серые зипуны» он вроде бы мог и не тратя драгоценное время на поездку в Даровое, ведь точно такие же «зипуны» обретались и рядом с тогдашней летней резиденцией Достоевских в усадьбе Малый Прикол Суджанского уезда Курской губернии. Те да не те: даровские крестьяне были его друзьями детства, а их родители, как отмечал младший брат писателя, питали к барчукам отнюдь не враждебно-сословные чувства, какие пришлось Достоевскому испытать на каторге:

«Все крестьяне, в особенности женщины, нас очень любили и не стеснясь нисколько вступали с нами в разговоры. Мы с своей стороны старались тоже

⁸ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Из «Мемуаров» // Ф. М. Достоевский в воспом. совр.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 299.

угодить им всевозможными средствами. Так, однажды брат Федя, увидев, что одна крестьянка пролила запасную воду, вследствие чего ей нечем было напоить ребенка, немедленно побежал версты за две домой и принес воды, чем заслужил большую благодарность бедной матери. Да, крестьяне нас любили!» [Достоевский А. М.: 62].

Так были воспитаны дети хозяйки имения и потому для даровских крестьян Достоевский был в гораздо большей степени «своим», нежели для суджанских мужиков, с ним они могли пооткровенничать («не стесняясь нисколько вступали с нами в разговоры»). Общая память детства, таким образом, послужила столь чаемому соединению с народом.

«О русском будущем землевладельцы, хаос»

Проблема землевладения (кому принадлежит земля) представлялась Достоевскому ключевой для разрешения как экономического, так и социально-го кризиса пореформенной эпохи. Еще в шестидесятые годы ему было ясно:

«По русскому, основному, самородному понятию, не может быть русского человека без общего права на землю» [Д30; т. 20: 219].

Выходя на новый рубеж публицистической деятельности (поначалу в еженедельнике «Гражданин», затем в «Дневнике Писателя»), он внимательно следил за яркими выступлениями в печати А. И. Васильчикова, из которых составил двухтомник ученого, публициста, земского деятеля «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» (1876), наделавший много шума: автор был даже обвинен в протаскивании идей коммунизма, хотя его генезис, скорее, вел к идеям славянофилов. Основные положения возбудившего дебаты издания были вначале обнародованы в периодической печати, а также во «Введении» к третьему изданию предыдущей книги автора «О самоуправлении» (1872). Главное отличие России от стремящейся к пролетаризации Европы Васильчиков видел в том, что Россия — всецело крестьянская страна, где каждый «обыватель» наделен исконным правом владеть землей и возделывать ее:

«Приступая къ изслѣдованію учреждений и властей, завѣдывающихъ общественнымъ управленіемъ, мы старались въ каждомъ изъ разсматриваемыхъ нами государствъ открыть тѣ главныя социальныя основы, которыми обусловливается развитіе этихъ учреждений, и намъ показалось, что въ Россіи эти основы суть земскія права и повинности, основанныя на землевладѣнннн. <...> Русское земство есть одинъ изъ многоразличныхъ видовъ всенароднаго движенія, влекущаго нашъ вѣкъ къ уравненію правъ, но оно существенно различается отъ демагогическихъ стремленій другихъ странъ тѣмъ, что признаетъ основными своими началами не личную свободу, не политическое равенство, не социальное братство (*liberté, égalité, fraternité*), а *земское уравненіе*,

т. е. право на землю, на известнѣй меньшій размѣръ надела и обязанность держать землю или владѣть недвижимымъ имуществомъ для того, чтобы пользоваться политическими правами»⁹.

В записной тетради Достоевского 1872–1875 гг. мы находим как бы резюме труда князя Васильчикова: утверждается зависимость «порядка в государстве <...> от степени и успехов землевладения» [Д30; т. 21: 270]. Вослед Васильчикову заявлено:

«...все должны иметь право на землю и <...> чуть лишь это право нарушено, то является сотрясение и распадение общества. У нас русские поняли. <...> Промышленность и капитал действуют развратительно отторгнувшись от земли, стало быть от родины и от своих. Надо, чтоб каждый работник имел землю. *Ergo*: не в земле ли уж всё дело» [Д30; т. 21: 270].

Идея зависимости благосостояния общества от состояния землевладения и русское решение вопроса о «почве и современном распределении почвы в собственность» [Д30; т. 23: 95] особенно ярко представлены в июльско-августовском «Дневнике Писателя» 1876 г. в мечтаниях Парадоксалиста (глава «Земля и дети»), вдохнувшего поэтическое воодушевление в концепцию Васильчикова (что пока не отмечено комментаторами):

«В земле, в почве есть нечто сакраментальное. Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделайте людей, то наделите их землю — и достигнете цели. По крайней мере у нас земля и община в сквернейшем виде, согласен, — но всё же огромное зерно для будущей идеи, а в этом и штука. По-моему, порядок в земле и из земли, и это везде, во всем человечестве. Весь порядок в каждой стране — политический, гражданский, всякий — всегда связан с почвой и с характером землевладения в стране. В каком характере сложилось землевладение, в таком характере сложилось и всё остальное. Если есть в чем у нас в России наиболее теперь беспорядка, так это в владении землею, в отношениях владельцев к рабочим и между собою, в самом характере обработки земли. И покамест это всё не устроится, не ждите твердого устройства и во всем остальном» [Д30; т. 23: 98].

И уже непосредственно перед поездкой в Даровое Достоевский в майско-июньском «Дневнике Писателя» 1877 г. повторяет:

«...кто в стране владеют землей, те и хозяева той страны, во всех отношениях. <...> ...всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное землевладение» [Д30; т. 25: 138].

⁹ О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Князя А. Васильчикова. 3 изд. СПб.: тип. В. В. Прагцъ, 1872. Т. I. С. XXX–XXXI, XL.

С этими мыслями Достоевский ехал в Даровое, и судя по записи, сделанной после поездки, разговоры с мужиками подтвердили правильность идеи справедливого распределения земли среди земледельцев, работников как единственном способе преодоления современного «хаоса» землепользования. Настойчиво пропагандировать и развивать ее автор «Дневника Писателя» будет в своем последнем, завещательном выпуске января 1881 г. [Д30; т. 27: 10].

«Помѣщики рыцари — заслужить уваженіе»

В связи с этим возникал вопрос о помещиках, сосредоточивших в своих руках бóльшую часть земель. Упадок отечественного земледелия происходил во многом от указанной выше неспособности дворянства или даже от прямого его уклонения от своих социальных обязательств, как сказано в майско-июньском «Дневнике Писателя» 1877 г.:

«А тут как раз почувствовались в руках выкупные и, сверх того, ужасно многих озарило убеждение, что с освобождением крестьян всё погибло — и деревня, и землевладение, и дворянство, и Россия. Правда и то, что с освобождением крестьян сельский труд остался без достаточной организации и обеспечения, и личное землевладение натурально струсило и сконфузилось так, как ни в какой исторический переворот не могло бы случиться больше. Вот и пустились помещики продавать и продавать, и часть их (слишком не малая) бросилась за границу. <...> И вот с тех пор русская личная поземельная собственность в полнейшем хаосе, продается и покупается, меняет своих владельцев поминутно, меняет даже вид свой, обезлесивается, — и во что обратится она, за кем останется она окончательно, из кого составится окончательно обновленное русское землевладельческое сословие, в какую форму преобразится оно в конце концов — всё это трудно предсказать, а между тем, если хотите, в этом главнейший вопрос русской будущности» [Д30; т. 25: 137–138].

Эти чужие в своей стране русские помещики лишь усугубляли «хаос», но ведь не все были таковы. И здесь Достоевский не мог не вспомнить своих родителей и шурина Александра Павловича, очевидно, подобными воспоминаниями ближайшим образом питалась его сокровенная надежда:

«Будущие землевладельцы будут *лучшие люди* <...>, а теперь прежнее дворянство грозит обратиться в пролетариат, в опасный пролетариат» [Д30; т. 24: 237–238].

Первым признаком «лучших людей» должно было стать преодоление сословного эгоизма, честное признание преимущества за теми, кто работает на земле. Такова была одна из основных идей А. И. Васильчикова, и солидарно с ним Достоевский заносит в записную тетрадь 1876 г.:

«Землевладение». Работник на фабрике — дети не в душных подвалах. Как же частная-то собственность? Не знаю. Собственники *должны сделать уступки*. <...> Чтоб этот засушенный нищий и эта старуха не протягивали руки на старости. Братство» [Д30; т. 24: 236].

Завершая июльско-августовский «Дневник Писателя» 1876 г. Достоевский еще раз обращается к идее «сближения с народом», получившей дополнительный импульс в славянском самоотвержении общества, когда «самолюбие» было побеждено другими чувствами: на трех страничках автор пять раз повторяет слово «великодушие» в разных его формах, трижды «благородство» и дважды «высшее сознание» [Д30; т. 25: 169–171]. Через год, съездив в Даровое, он обратится к лексеме «рыцарство». Слово весьма значимое в словаре Достоевского (см., напр., рассказ «Маленький герой»), четыре года назад уже примененное к современному благородному сословию, в котором, увы, «рыцарские обычаи уничтожаются повсеместно» [Д30; т. 21: 145]. Вспоминается и столь значимый для Достоевского бескорыстно-благородный защитник всех обижаемых Рыцарь Печального Образа. Следует также вновь припомнить и детское чтение Вальтера Скотта. В романе «Айвенго» (ч. 3, гл. IV) заглавный герой преподает урок не понимающей рыцарского духа Ревекке:

«Рыцарство питаетъ живѣйшую и чистѣйшую привязанность, защищаетъ угнѣтенныхъ, исправляетъ несправедливости и удерживаетъ притѣснителей. Безъ Рыцарства, самое благородство было бы пустымъ названіемъ»¹⁰.

Судя по всему, Достоевский после посещения Дарового и разговоров как с помещицей, так и с крестьянами, утвердился в необходимости проявления великодушия со стороны сословия, коему следовало стать благородным не только по званию, но и на деле, то есть «сделать уступки» ради общей пользы. И понять, наконец, что *«будущность Россіи принадлежитъ крестьянской поземельной собственности»*¹¹.

«Маль надѣль»

Крестьянская реформа 1861 г. наделяла крепостных личной свободой, земля же оставалась в собственности помещиков. Крестьянам дано было право выкупить себе земельные наделы, на что государство выдавало им ссуды на 49 лет. Размер земельного надела зависел от качества земли, поэтому территория России была разделена на три полосы: нечерноземную,

¹⁰ Ивангое, или возвращение изъ крестовыхъ походовъ. Сочинение Валтера Скотта [пер. с фр. Ковтырева]: Ч. 1–4. СПб.: Въ тип. Смирдина, 1826 [Электронный ресурс]. URL: <http://ino-lit.ru/lit/text/2548/69551/Scott/ivangoe-ili-vozvrachenie-oldorfo.htm> (10.08.2024).

¹¹ Васильчиковъ А., князь. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1. С. 550.

черноземную и степную. Полосы в зависимости от качества земли и плотности населения в свою очередь делились на местности, в каждой из которых определялись максимальная и минимальная нормы подушного надела на каждую ревизскую душу (женщины таковыми не считались).

Даровое и Черемошня попадали в местность, где размер высшего душевого надела составлял 3 десятины (близкий к среднему по стране), и это при том, что нормой жизнеобеспечения в средней полосе при тогдашнем уровне агротехники считался надел в 6–8 десятин. Что касается агрономии, следует учесть, что нечерноземные пашни утратили плодородие через десятилетие после периода хозяйствования родителей Достоевских, как следует из приведенного выше письма А. П. Иванова¹². История повторилась после смерти заботливого Александра Павловича, когда земля (и тоже через десятилетие) вновь истощилась, т. к. требовалось регулярное унавоживание. Можно предположить, что делалось это не системно и не везде одинаково, почему сложившаяся ситуация и привела к конфликту интересов.

В 1865 г. реформа добралась и до имени Ивановых. Вера Михайловна выделила участки для наделения своих крестьян землей в соответствии с Положением; крестьяне Черемошни согласились на ее условия, а даровские заартачились. Мирской приговор от 2 декабря 1865 г. гласил, что крестьяне Дарового «на предъявленное имъ посредникомъ объявление о предоставленіи ихъ помещицею на обязательный выкупъ Правительству не желаютъ, а желаютъ остаться на барщинѣ, ибо полагаютъ, что не будутъ имѣть возможность выплачивать выкупные платежи по неудовлетворительному состоянію почвы земли, между темъ какъ они всегда находились на барщинѣ, отправляли ея безъ особеннаго для себя стесненія»¹³. Поневоле вспоминается эпизод, описанный Достоевским, когда на предложение «свободы» крепостные ответили прогрессивному помещику: «Нет, уж лучше по-старому: мы ваши, а земля наша». Достоевский вывел из этого важное заключение о характере русского крестьянина, для которого «земля — всё, а уж из земли у него и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь — одним словом, всё, что есть драгоценного» [Д30; т. 23: 99]. Мировой посредник каширского уезда Василий Коптев не был обременен подобными соображениями и не согласился с указанным мирским приговором, приведя свои доводы относительно бедности почв и неплатежеспособности жителей Дарового:

---

¹² В это время в России уделялось мало внимания состоянию почвенного покрова. Лишь в 1881 г. Нижегородское земство обратилось к В. В. Докучаеву с предложением провести исследования и оценку почв для дифференцирования налогообложения. В последующие годы учеными были разработаны принципы классификации почв и составлены почвенные карты разных губерний.

¹³ Дело Ивановой В. М. Тульской губ. Каширского уез. сельца Дарового. Начато 16 августа 1866 г. Кончено 15 февраля 1867 г. На 38 листах // РГИА. Ф. 577. Оп. 43. Ед. хр. 1706. Л. 7–7 об. Впервые частично опубл.: [Бессонова, Козлова: 224–225].

«Къ тому же крестьяне деревни Черемошны, имеющіе съ ними смежное поле съ охотою пожелали ийти на обязательный выкупъ, а крестьяне села Моногарова Г.г. Кастюрина и Хотяинцева, отстоящаго отъ Дарового на разстояніи полуверсты и земли коихъ находятся въ совершенной смежности съ ихъ землями, согласились ийти на выкупъ съ приплатою пятой части Помѣщикамъ, къ тому же сельцо Даровое находится въ 9 верстахъ отъ населеннаго, торговаго города Зарайска близъ самой большой дороги. Почему я полагаю, что крестьяне сельца Дарового будутъ въ состояніи вносить выкупные платежи»¹⁴.

Посредник опирался на тот факт, что даровские мужики доселе «исправно отбываютъ, как казенныя, такъ и барщинскія повинности, почему и ко взносу выкупныхъ платежей состоятельны»¹⁵, а также обращал внимание на прилагаемую Уставную грамоту, по которой сельцо Даровое было отнесено ко второму разряду¹⁶, «потому, что Крестьяне сельца Дарового занимаются развозкою на собственныхъ лошадейхъ купеческихъ товаровъ по разнымъ и отдоленнымъ городамъ Россіи, отъ чего и имѣютъ значительныя выгоды»¹⁷. Главное выкупное учреждение 4 ноября 1866 г. приняло сторону посредника и определило срокъ возвращенія выкупной ссуды (5520 рублей на 46 ревизскихъ душъ Дарового) на 49 летъ начиная с 1 февраля 1867 г.¹⁸

Вся эта история наверняка всплыла в разговорахъ Достоевскаго с недовольными жителями Дарового в июле 1877 г. Недостаточная величина надела и ограниченныя возможности нечерноземья, разумеется, — сильный доводъ даровскихъ крестьян, но ведь имелъ место и субъективный фактор: отношеніе к землѣ, усилія по ее содержанию. От кого зависело, что суглинокъ постепенно превращался в «глинище»?

«Гоняются за жидовствомъ. Понятіе о трудѣ»

Фразу «гоняются за жидовствомъ» можно понять в двухъ значеніяхъ. Первое: крестьяне (да и помещики) вместо собственныхъ усилій отдаютъ свою землю в аренду, а арендаторы (в ряде случаевъ евреи), т. е. временщики, гонятся за сиюминутной прибылью и будущее истощаемой ими почвы

¹⁴ Официальное заключеніе посредника от 13 февраля 1866 г.: там же, л. 8 об.

¹⁵ Дело Ивановой. Л. 24.

¹⁶ По Высочайше утвержденному 19 февр. 1861 г. «Местному положенію о поземельномъ устройстве крестьян, водворенныхъ на помещичьихъ земляхъ в губерніяхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и белорусскихъ» в пункте 243 указывались четыре разряда крестьянскихъ усадеб: 1) не предоставляющіе никакихъ особенныхъ выгодъ, 2) где имеются дополнителныя заработки на отхожихъ промыслахъ, 3) с выгоднымъ местоположеніемъ, напр., не далее 25 верст отъ Петербурга или Москвы, 4) особо доходныя фабричныя села [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/mestpolozh1861> (10.08.2024).

¹⁷ Дело Ивановой. Л. 12.

¹⁸ Там же. Л. 27, 32.

и обезлесивание их ничуть не волнует. На этот факт обращал внимание и упоминавшийся выше А. И. Васильчиков¹⁹. За год до поездки в Даровое Достоевский писал:

«Вон жида становятся помещиками, — и вот, повсеместно, кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что-нибудь против этого — и тотчас же вам возопят о нарушении принципа экономической вольности и гражданской равноправности» [Д30; т. 23: 42].

И дело не только в истощении почвы, добавлял Достоевский в февральском «Дневнике Писателя» 1877 г.:

«...помещики хоть и сильно эксплуатировали людей, но всё же старались не разорять своих крестьян, пожалуй, для себя же, чтоб не истощить рабочей силы, а еврею до истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел» [Д30; т. 25: 78].

Второе значение фразы отсылает к явлению, которое Достоевский назвал «жидовствующиe "христиане"» [Д30; т. 25: 97]. Еще в «Дневнике Писателя» 1873 г. в главе «Мечты и грезы» автор сетовал, что крестьяне нередко добровольно идут в кабалу «всевозможным жидам», которым на потребу превращаются в «общесолитарных нищих», живут в «разврате и унижении» [Д30; т. 21: 95]. Тему продолжил январский выпуск «Дневника Писателя» 1876 г., где «иссякание народной силы» объясняется тем, что ее охватил массовый «зуд разврата», а именно «преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка»:

«...стань богат, и всё твое, и всё можешь» [Д30; т. 22: 29–30].

Автор вновь и вновь возвращается к больной теме:

«Русский человек в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма» [Д30; т. 23: 28].

«Посмотрит иной простак кругом себя и вдруг выведет, что одному-де кулаку и мироеду житье, что как будто для них всё и делается, так стану-де и я кулаком, — и станет. <...> Что же тут делать? Тут фатум» [Д30; т. 27: 17].

Последняя цитата приведена из «Дневника Писателя» 1881 г., не исключено, что речь «простака» автор услышал, беседуя с даровскими крестьянами летом 1877 г.

---

¹⁹ Васильчиковъ А. И. О настоящемъ положеніи землевладѣнія въ Россіи // Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. Изданіе Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1876. С. 403–404.

Что касается «понятия о труде», следует припомнить «экономическую модель» Достоевского, также предложенную в «Дневнике Писателя» 1881 г., а впервые обозначенную в 1873 г. в статье «Мечты и грезы»:

«Настоящие, правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии ее, иначе могут образоваться лишь капиталы кулаков и жидов. Так и будет, если дело продолжится, если сам народ не опомнится...» [Д30; т. 21: 95].

В Эмсе летом 1876 г. особое впечатление на Достоевского произвело трудолюбие немцев, очевидно, в сравнении с соотечественниками:

«Нет, у нас так не работают...» [Д30; т. 23: 74].

«Народъ хочетъ опеки, власти надъ собой. Своимъ судомъ недоволенъ»

Земская реформа 1864 г. создала новый институт всеобщего выборного местного самоуправления, в том числе крестьянского. Между тем внедряемые сверху новые формы общественных отношений не приживались на местах. Достоевский уже после поездки в Даровое констатировал:

«Наступил порядок, в который народ и рад был уверовать, но мало что в нем понимал. <...> Являлось что-то внешнее, что-то как бы ему чужое и не его собственное» [Д30; т. 27: 16].

Внедряемые формы самоуправления были в основном заимствованы, а от собственных традиций осталось лишь название: «земство». В итоге народная самодеятельность вытравлялась по давно знакомой схеме:

«Есть земство, но оно "начальство". <...> Газеты полны описаниями, как народ выбирает своих выборных, — в присутствии "начальства"...» [Д30; т. 27: 17].

Обновленная бюрократическая кабала, под вывеской демократических институтов, оказалась не лучше прежней. В этой ситуации утрачивалась фундаментальная духовная составляющая земской реформы: вера народа в собственные силы, в свою способность стоять за справедливость. Еще в «Дневнике Писателя» 1873 г., развернув картину «возмутительной неправды», утверждаемой мирским сходом, попавшим «под власть мироеда», Достоевский пришел к неутешительному выводу:

«...тут всё почти выходит именно из сознательного неуважения к себе, к своему же суду» [Д30; т. 21: 100].

Вскоре новое газетное сообщение о произволе волостного писаря вызывает яростную реакцию:

«Не смеют прикоснуться к подлым волостным судам <...>. К черту республику, если она деспотизм!» [Д30; т. 21: 272].

Волостные суды, состоявшие из крестьян данной волости не моложе 35 лет, выбирались на три года сельскими обществами на своих сходах. Деятельность их вызывала недовольство самих же крестьян, судьи не были беспристрастны, брали взятки, оказывались во власти старшин и писарей, местных кулаков-мироедов. Поэтому крестьяне часто предпочитали суд мирового посредника либо суд общей юрисдикции. Очевидно, и разговоры с даровскими мужиками вели Достоевского к проблеме, поставленной затем в январском «Дневнике Писателя» 1881 г.:

«Как сделать, чтоб дух народа успокоился в правде и видя правду? Может быть, правда-то есть и теперь, но надо, чтоб он ей поверил. Как внедрить в его душу, что правда есть в Русской земле и что высоко стоит ее знамя. Как сделать, например, чтоб он в свой суд уверовал, в свое представительство и признал его за плоть от плоти своей и за кость от костей своих?» [Д30; т. 27: 20].

Всесилию бюрократии Достоевский посвятил целую главу своего последнего «Дневника», и выход из двухсотлетней зависимости — «мух из патоки повыващить и освободить» — виделся ему только после «поворота голов наших совсем в другую сторону» [Д30; т. 27: 27]. В сторону народа, чья «гражданская свобода <...> соиздается лишь на детской любви народа к царю, как к отцу» и «всеединящей силе» [Д30; т. 27: 22, 21]. Очевидно, эта мысль возникала в разговорах с даровскими мужиками: «народъ хочет опеки, власти надъ собой». Слово «опека» в данном случае, очевидно, синонимично слову «узда», употребленному Достоевским в рабочей тетради 1876–1877 гг.:

«НВ. Община держит человека у земли. У нас страсть к бродяжничеству и к приключениям. Отделите каждого к своему клочку, и он всё заложит и продаст жиду. (Свели лесок.) Дайте власть — не справитесь. Лучше держать в узде, в общине. В самоуправлении же могли бы быть сделаны изменения» [Д30; т. 25: 227].

«Алена Леонтъевна — Нѣтъ тутъ есть наше свое, наше Русское»

В комментарии академического издания Достоевского указывалось: «Алена Леонтъевна. — Возможно, это описка и речь идет об Алене Фроловне, няне Достоевских, умершей в глубокой старости в 1850-х годах» [Батюто: 454]. На самом деле Достоевский упомянул крестьянку, с которой он встречался в Даровом в июле 1877 г. Это сноха даровского старосты Савина Макарова Елена Леонтъевна. По церковным исповедным ведомостям в 1835 г. ей было 20 лет [Нечаева: 129], а значит в 1877-м — около 62 (напомню выше

приведенное свидетельство Анны Григорьевны: «Старики и старухи и сверстники, помнившие его с детства, радостно его приветствовали, зазывали в избы...»). Не исключено, что именно она была той крепостной крестьянкой, с которой когда-то случилась беда и «нечем было напоить ребенка», а барчонок Федор «побежал версты за две домой и принес воды, чем заслужил большую благодарность бедной матери» [Достоевский А. М.: 62]. Согласно тому же церковному документу, в 1835 г. у нее была дочь Софья в возрасте одного года. Сделанное добро запомнилось, и, как мы полагаем, подтолкнуло Алену (Елену) рассказать Федору Михайловичу подходящую к случаю народную легенду.

Через два года, 16 сентября 1879 г., посылая в редакцию «Русского Вестника» седьмую книгу романа «Братья Карамазовы», автор просил редактора, Н. А. Любимова:

«Многоуважаемый Николай Алексеевич, особенно прошу хорошенько прокорректировать легенду *о луковке*. Это драгоценность, записана мною со слов одной крестьянки и, уж конечно, *записана в первый раз*. Я по крайней мере до сих пор никогда не слышал» [Д30; т. 30, кн. 1: 126].

Имелся в виду эпизод романа, где Грушенька рассказывает «басню» о злючей-презлючей бабе, которая сделала только одно доброе дело за всю жизнь — подала нищенке луковку. Ангел-хранитель попытался вытянуть ее этой луковкой из огненного ада озера, но та оборвалась, когда баба стала отталкивать других грешников, цеплявшихся за нее, и кричать:

«Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша» [Д30; т. 14: 319].

В комментарии академического издания Достоевского со ссылкой на статью [Пиксанов: 162] сказано:

«Достоевскому, по-видимому, не был известен сборник народных русских легенд А. Н. Афанасьева (Народные русские легенды, собранные Афанасьевым. Лондон, 1859; М., 1859), где приводится легенда "Христов братец" со сходным сюжетом <...> и в приложении указывается ее малороссийский вариант, почти совпадающий с тем, который дает Достоевский» [Ветловская, 1976: 572] (см. также: [Ветловская, 2007: 536]).

Было также высказано предположение, что Достоевский всё же был знаком со сборником Афанасьева, но, зная о его запрете, заявлением о приоритете хотел сбить с опасного следа своего некоторым образом цензора [Лотман: 306–307]. Как нам представляется, для конспирологии в данном случае не было оснований: ничего нецензурного в легенде не имелось, а просьба «хорошенько прокорректировать» обнаруживает лишь особую заботу автора о «драгоценности» легенды. Следует верить Достоевскому, тем более словам, им самим подчеркнутым: «*записана в первый раз*». Это

замечание оказывается верным и объективно: Достоевский и впрямь был первый и даже единственный, кто записал **вариант** легенды, в чем-то очень важном отличающийся (что не замечено комментаторами) от двух версий, обнародованных Афанасьевым²⁰. Приведем их для сравнения.

Версия первая:

«Потомъ повѣлъ Христъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужику и выйдти оттудова не хотѣлось!) А послѣ повѣлъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онъ исталь просить Христа: "помилуй ее, Господи!" Повелѣлъ ему Христъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свиль веревку изъ кострики: видно ужъ Господь такъ далъ! Приносить ко Христу. "Ну, говоритъ онъ, ты виль эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудился за свою мать — вытащи ее изъ ада." Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смолѣ кипучей. Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужъ за голову ее схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: "ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!" — веревка оборвалась и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. "Не хотѣла она, сказалъ Христъ, и тутъ воздержатъ своего сердца; пусть-же сидитъ въ аду вѣки вѣчные!"»²¹.

Версия вторая (малороссийская):

«Идемо, ажъ кипить у смолі жінка, а передъ нею цибулька лежить. Дідъ и каже: се мучитця такъ мати вашого старого тітаря Онисима, що було все старцівъ годуе та біднимъ помагае, а ніколи жодної душі не обидивъ и ні въ одному слові не збрехавъ. Була вона богата, та скнара, що одъ неі ніхто й хліба куска не бачивъ. Ото разъ полола вона цибулю, ажъ иде поузь воръе дідъ-старецъ. Подари, каже, паніматко, ради Христа! Вона вирвала стрілку: прийма, каже, старче Божий. Тільки-жъ одъ неі й бачили. Отъ, якъ умерла... [тутъ своя дорога, а тамъ тебе повидуть] взяли її небогу та й потягли въ пекло. А Онисимъ и побачивъ зъ неба, що вона велику муку приймае, та й каже: Боже мій милий, Спасе мій Христе! за всю мою щирость, за всю мою правду, зроби міні таку ласку — нехай и моя мати буде въ раю зо мною. А Христъ и рече ёму: Ні, Онисиме! вельми грѣшна твоя мати. Візьми хіба оту цибульку, що лежить передъ нею, та коли витягнешъ її съ тиі бездни, то нехай и вона буде въ раю съ тобою. Узявъ вінъ тую стрілочку та й подавъ матері. Схопилась вона за неі... отъ, отъ витягне, отъ, отъ витягне съ пекла! бо що-то Божому святому? Ажъ ні: якъ поначіплювались ій и въ плахту, и въ намітку грѣшніи души, що-бъ и собі съ того пекла вибратця, то й не здержала тия цибулька: перервалась, а вона такъ и бовтнула въ гарячу смолу!»²²

²⁰ Ср.: «Достоевский ошибся. Он не первый записал легенду» [Туниманов: 209].

²¹ Народныя русскія легенды, собранныя А. Н. Афанасьевымъ. Изданіе Н. Щепкина и К. Солдатенкова. М.: тип. В. Грачева и Комп., 1859. С. 30–32.

²² Народныя русскія легенды, собранныя А. Н. Афанасьевымъ. С. 130–131. Впервые опубликовано: Записки о Южной Руси. Издалъ П. Кулишъ. Т. 1. СПб.: В тип. Александра

Малороссийский вариант в чем-то ближе к варианту Достоевского: в нем присутствует луковка (цибуля). Однако имеется отличие куда более существенное: здесь луковка оборвалась от перенапряжения, будто забыв о своей чудодейственности (могла бы оборваться и раньше, от тяжести самой бабы), доказав тем самым, что есть непрощаемый объем грехов. Чудодейственность есть в первом варианте (несгораемая веревка), как есть там и полная зависимость финала не от количества грехов, но от самих свойств «сердца» грешницы. Версия, записанная Достоевским, как бы объединяет обе афанасьевские, но и вносит совершенно новый мотив: решающим оказывается озлобленное разобщение («моя луковка, а не ваша»). Спасение «для себя» невозможно — таков посыл народной морали, корнями уходящий в сложившееся веками бытийное (христиански-соборное) и бытовое (общинное) сознание русского народа²³.

Исследователь сибирского периода биографии Достоевского предположил, что запись легенды была сделана ссыльным писателем в Сибири [Громыко: 128–129]. Сомнительно, что на протяжении последующих двух десятилетий Достоевский, неоднократно призывая видеть идеальные начала в русском народе, ни разу не обратился к открытой им «драгоценности». Наше предположение, что носителем легенды была даровская крестьянка Алена Леонтьевна, подкрепляется и комментарием писателя к услышанному от нее: «Нѣтъ тутъ есть наше *свое*, наше Русское». Показательно, что тогда же в черновиках к июльско-августовскому «Дневнику Писателя» 1877 г. Достоевский возвращается к мысли о жизнестроительном коллективизме русского народа:

«Но связан и объединен наш народ пока так, что его трудно расшатать. Хомяков говаривал, говорят, смеясь, что русский народ на Страшном суде будет судиться не единицами, не по головам, а целыми деревнями, так что и в ад и в рай будет отсылаться деревнями. Шутка тонкая и чрезвычайно меткая и глубокая» [Д30; т. 25: 305].

Яacobсона, 1856. С. 307–308. Сокращение, сделанное Афанасьевым, приводится в квадратных скобках по указ изд., с. 307.

²³ Известно иное толкование. Так, А. Н. Афанасьев «заметил, что это древняя дохристианская сказка. Эта догадка Афанасьева верна. И теперь мы знаем восточные предания, повторяющие тот же сюжет. Одно из них — буддийское, — привлекло внимание американского писателя П. Каруса, чей рассказ был под названием "Карма" вновь пересказан Львом Толстым в последние годы его жизни, а еще позднее ту же буддийскую легенду в рассказе "Паутинка" переложил великий японский писатель XX века Акутагава» [Иванов: 300]. Данная тема подробно развита в статье: [Туниманов]. Наличие параллелизма между тем не только не отвергает, но, напротив, предполагает наличие собственных ментальных корней у каждой модификации и, в частности, христианских у русской легенды. В. А. Туниманов, правда, нашел идею неразрывности человеческих связей и осуждение «себялюбия» только в буддистском изводе и, соответственно, у Толстого, а «луковку» в «Братьях Карамазовых» истолковал исключительно как утверждение «единичного доброго деяния» [Туниманов: 231]. Мы, напротив, полагаем, что роман пронизывает, выражаясь термином Вл. Соловьева, идея всеединства, выразившаяся и в легенде о луковке.

Нетрудно уловить глубинную связь между записанной только что легендой о луковке и припомнившейся шуткой Хомякова. И в том, и в другом случае перед нами открывается та самая «глубина христианского духа народного», из которого «направление мое истекает» [Д30; т. 27: 65]. Следует также припомнить исторический контекст поездки в Даровое: подъем народного духа в войне за братьев-славян, тот открывшийся в народе «дар великодушия» [Д30; т. 25: 14], синонимичный евангельскому «за други своя» (Ин. 15:13). По дороге в Даровое, на станциях, Достоевский подмечает «горячее патриотическое настроение народа в эту войну» [Д30; т. 25: 177].

Услышанное от даровской крестьянки — сущностный «ответ» на «вопросы народа», ответ, который давал сам народ «по городам, на станциях, на дорогах, на улицах, на рынках» [Д30; т. 25: 174]. Надо было только услышать и понять — Достоевский делал это, начиная с опыта каторги, но необходимо было обновить старые впечатления в сложившейся новой исторической ситуации. Предварительный итог поездки в Даровое был подведен сразу же, в июльско-августовском «Дневнике Писателя» 1877 г.:

«Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтоб зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она *всё* решительно, даже и вопросы, и останется в сути своей такую же прежнюю, святою нашей Русью...» [Д30; т. 25: 174].

О «назначении и цели» Достоевский выразится конкретнее в январском «Дневнике Писателя» 1881 г., оказавшемся его завещанием. Призыв выслушать «серые зипуны» не случайно почти дословно повторил то, что было сказано после поездки в Даровое:

«...народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам» [Д30; т. 27: 21].

Были, как мы видели, развернуты тезисы сомнений, записанные по результатам поездки, а затем окончательно сформулирован (как будто зная, что времени у него больше не будет) услышанный автором ответ «зипунов» — противостоящий губительной атомизации общества:

«Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово. <...> Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*» [Д30; т. 27: 19].

Поездка в Даровое летом 1877 г. была для Достоевского и воскрешением «святых воспоминаний» детства и воплощением программы «поучиться у народа» [Д30; т. 27: 24]. Все это отозвалось затем в публицистике и в последнем романе. Как мы могли убедиться, Достоевский был далек от

идеализации народа, в чем его обвиняли и продолжают обвинять²⁴. Слабые стороны народного сознания не ускользнули от него, но это не помешало увидеть фундаментальные начала, из которых писатель и публицист исходил в своем понимании исторической судьбы России.

Список литературы

1. Андрианова И. С., Тихомиров Б. Н. «До свиданья, я тебя люблю»: Ф. М. Достоевский в прощальных записях А. Г. Достоевской 1881 года // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 2. С. 16–73 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1720280895.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7241. EDN: QIXYTP
2. Батюто А. И. [Реальный комментарий к подготовительным материалам июльско-августовского «Дневника Писателя» 1877 г.] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. С. 453–460.
3. Бессонова А. С., Козлова А. Ю. Крестьянский мир Дарового // Даровое Достоевского: мат-лы и исслед. / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна: ИД «Лига», 2021. С. 217–272. (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.) EDN: VPXIWC
4. Ветловская В. Е. [Реальный комментарий к роману «Братья Карамазовы»] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 453–619.
5. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2007. 640 с. (Сер.: Библиотека Пушкинского Дома.)
6. [Викторovich В. А.] Письмо В. М. Ивановой — А. Г. Достоевской 12 февраля 1889 года / публ. и послесл. В. А. Викторovichа // IV Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: ИД «Лига», 2016. С. 193–194.
7. Викторovich В. А. Достоевский. Формула семьи // VI Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: изд. А. С. Бессонова, 2021. С. 21–39. EDN: RVZEER
8. Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского, 1850–1854 гг. Новосибирск: Наука, 1985. 168 с. (Сер.: Страницы истории нашей Родины.)
9. Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Достоевские-помещики. История имения по архивным документам // Даровое Достоевского: мат-лы и исслед. / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна: ИД «Лига», 2021. С. 11–88. (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.)
10. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. 768 с.
11. Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 397 с. (Сер.: Историко-литературные мемуары.)
12. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
13. Зевалд Ю. А. Имение Достоевских второй половины XIX — начала XX вв. (по переписке семьи Ивановых) // Даровое Достоевского: мат-лы и исслед. / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна: ИД «Лига», 2021. С. 389–424. (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.) EDN: QRTXPC

²⁴ Одно из последних исследований на эту тему в очередной раз противопоставляет «недоконченность» художественных образов народа как «носителя благодати» итожащей и потому «не убедительной» публицистике [Миллер: 39–51].

14. Иванов В. В. О научном ясновидении Афанасьева // Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Знак, 2009. Т. 5: Мифология и фольклор. С. 299–303. (Сер.: Язык. Семиотика. Культура.)
15. Лосский Н. О. Характер русского народа. М.: Даръ, 2005. 336 с. (Сер.: Русская культура.)
16. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Истоки и эстетическое своеобразие. Л.: Наука, 1974. 348 с.
17. Миллер Р. Ф. Незаконченное путешествие Достоевского / пер. с англ. А. Степанова. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 359 с. (Сер.: Современная западная русистика.)
18. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
19. Пиксанов Н. К. Достоевский и фольклор // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 152–180.
20. Туниманов В. А. Одна луковка и две паутинки (Ф. Достоевский, Л. Толстой, Рюноске Акутагава) // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: избр. ст. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. С. 206–247. (Сер.: Библиотека Пушкинского дома.)

References

1. Andrianova I. S., Tikhomirov B. N. "Goodbye, I Love You": Fyodor Dostoevsky in the Farewell Notes of Anna Dostoevskaya in 1881. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2024, vol. 11, no. 2, pp. 16–73. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1720280895.pdf (12.09.2024). DOI: 10.15393/j10.art.2024.7241. EDN: QIXYTP (In Russ.)
2. Batyuto A. I. A Real Commentary to the Preparatory Materials of the July–August 1877 "A Writer's Diary". In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 25, pp. 453–460. (In Russ.)
3. Bessonova A. S., Kozlova A. Yu. Peasant World of Darovoe Village. In: *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniya [Dostoevsky's Darovoe Village: Materials and Researches]*. Kolomna, Liga Publ., 2021, pp. 217–272. (Ser.: Sources and Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) EDN: VPXIWC (In Russ.)
4. Vetlovskaya V. E. A Real Commentary to the Novel "The Brothers Karamazov". In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 15, pp. 453–619. (In Russ.)
5. Vetlovskaya V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" [F. M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"]*. St. Petersburg, Pushkinskiy dom Publ., 2007. 640 p. (Ser.: The Library of Pushkinskiy dom.) (In Russ.)
6. Viktorovich V. A. Letter from V. M. Ivanova to A. G. Dostoevskaya, February 12, 1889. In: *IV Letnie chteniya v Darovom [The 4th Summer Readings in Darovoe Village]*. Kolomna, Liga Publ., 2016, pp. 193–194. (In Russ.)
7. Viktorovich V. A. Dostoevsky. Family Formula. In: *VI Letnie chteniya v Darovom [The 6th Summer Readings in Darovoe Village]*. Kolomna, Izdatel' A. S. Bessonova Publ., 2021, pp. 21–39. EDN: RVZEEP (In Russ.)
8. Gromyko M. M. *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo, 1850–1854 gg. [Siberian Acquaintances and Friends of F. M. Dostoevsky, 1850–1854]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 168 p. (Ser.: Pages of the History of Our Homelands.) (In Russ.)
9. Dement'eva T. N., Voronkina L. A. Dostoevskys-Landowners. History of the Estate According to Archival Documents. In: *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniya [Dostoevsky's Darovoe Village: Materials and Researches]*. Kolomna, Liga Publ., 2021, pp. 11–88. (Ser.: Sources and Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) (In Russ.)

10. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [*Memoirs. 1846–1917*]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
11. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [*Memoirs*]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 397 p. (Ser.: Historical and Literary Memoirs.) (In Russ.)
12. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
13. Zevald Yu. A. The Dostoevsky Estate in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries (According to the Correspondence of the Ivanov Family). In: *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky's Darovoe Village: Materials and Researches*]. Kolomna, Liga Publ., 2021, pp. 389–424. (Ser.: Sources and Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) EDN: QRTXPC (In Russ.)
14. Ivanov V. V. About Afanasyev's Scientific Clairvoyance. In: *Ivanov V. V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [*Ivanov V. V. Selected Works on Semiotics and History of Culture*]. Moscow, Znak Publ., 2009, vol. 5: Mythology and Folklore, pp. 299–303. (Ser.: Language. Semiotics. Culture.) (In Russ.)
15. Losskiy N. O. *Kharakter russkogo naroda* [*The Character of the Russian People*]. Moscow, Dar Publ., 2005. 336 p. (Ser.: Russian Culture.) (In Russ.)
16. Lotman L. M. *Realizm russkoy literatury 60-kh godov XIX veka. Istoki i esteticheskoe svoeobrazie* [*Realism of Russian Literature of the 60s of the 19th Century. Origins and Aesthetic Uniqueness*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 348 p. (In Russ.)
17. Miller R. F. *Nezakonchennoe puteshestvie Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Unfinished Journey*]. St. Petersburg, Academic Studies Press Publ., Bibliorossika Publ., 2022. 359 p. (Ser.: Modern Western Russian Studies.) (In Russ.)
18. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 15 tomakh* [*The Complete Works and Letters: in 15 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
19. Piksanov N. K. Dostoevsky and Folklore. In: *Sovetskaya etnografiya* [*Soviet Ethnography*], 1934, no. 1–2, pp. 152–180. (In Russ.)
20. Tunimanov V. A. One Bow and Two Cobwebs (F. Dostoevsky, L. Tolstoy, Ryunosuke Akutagava). In: *Tunimanov V. A. Labirint stsepleny: izbrannye stat'i* [*Tunimanov V. A. Coupling Labyrinth: Selected Articles*]. St. Petersburg, Pushkinskiy dom Publ., 2013, pp. 206–247. (Ser.: The Library of Pushkinskiy dom.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Викторович Владимир Александрович, Vladimir A. Viktorovich, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9576-9522>; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.09.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.11.2024

Принята к публикации / Accepted 16.11.2024

Дата публикации / Date of publication 06.12.2024